П. С. ЛОПУХИНЪ.

О Православномъ Человѣкѣ.

МЮНХЕНЪ

1951

П. С. ЛОПУХИНЪ.

О Православномъ Человѣкѣ.

МЮНХЕНЪ
1951

Изданіе Обители преподобн. ІОВА Почаевскаго.

«Господи Іисусѣ Христѣ, помилуй мя.. безличнаго, бездерзновенного...» (Молитва по 18-ой кафизмѣ).

О ПРАВОСЛАВНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ

Каждое вѣрованіе, каждая философія, каждое ученіе о человѣкѣ, объ устроеніи человѣческой жизни, всегда имѣютъ „своего" любимаго человѣка—носителя вѣрованія, философіи, ученія, — хотятъ создать и воспитать такого „своего" человѣка, особаго психологическаго типа, характера и нравственнаго устроенія.

Одинъ изъ самыхъ любимыхъ сыновъ Православія, православный праведникъ, яркій представитель „Православнаго человѣка"—преподобный Серафимъ Саровскій чудотворецъ. Знаніе его, его жизни, пониманіе ея, его подвига и его мысли — всегда современная задача, ибо черезъ это мы яснѣе понимаемъ Православіе и православнаго человѣка.

Остановимся сперва лишь на нѣкоторыхъ существенныхъ моментахъ его жизни.

Прп. Серафимъ — въ міру Прохоръ Мошнинъ—родился въ Курскѣ 19 іюля 1759 года. Отецъ его подрядчикъ, спеціалистъ по постройкѣ церквей, умеръ когда Прохору было 3 года.

Его мать, сильная, мужественная и простая, цѣльная русская женщина, не растерялась, повела хозяйство и продолжала начатыя постройки.

Когда Прохору было 7 лѣтъ, онъ за матерью поднимался по лѣсамъ строящагося въ Курскѣ собора, оступился и упалъ съ большой высоты. Мать сбѣжала внизъ, думая, что онъ разбился на смерть. Прохоръ встрѣтилъ ее невредимый.

Десяти лѣтъ онъ началъ учиться грамотѣ и вскорѣ сильно заболѣлъ. Во снѣ онъ видитъ Божію Матерь, обѣщающую ему прійти и исцѣлить его. Черезъ нѣсколько дней проносили по сосѣдней улицѣ Чудотворную Икону Знаменіе Божіей Матери. Внезапно разразился такой ливень, что вода залила улицу, по которой несли Икону. Тогда несшіе ее рѣшили перейти на параллельную улицу черезъ сквозной дворъ Мошниныхъ. Мать вынесла больного Прохора, онъ приложился къ Чудотворной Иконѣ и послѣ этого сразу сталъ быстро поправляться.

Выздоровѣвъ, онъ продолжаетъ учиться. Читалъ Часословъ, Псалтирь и Библію. Это характерно для дома Мошниныхъ, ибо въ то время Библію трудно было достать.

У Мошниныхъ, кромѣ подрядовъ, была и лавка, и Прохоръ тамъ торговалъ и помогалъ. Торговалъ, но не любилъ.

Любитъ онъ одного юродиваго. Христа ради юродство—это маска, которую надѣваютъ особо призванные къ этому подвигу, очень немногіе люди. Это призваніе обусловлено дарованіемъ съ особенной силой и яркостью видѣть красоту Божественной жизни. Пораженный ею юродивый отвергаетъ не только радости и соблазны грѣховной жизни, но и всякую ея возможную красоту и благочиніе быта, ибо почитаніе послѣднихъ и приверженность къ земной жизни представляются ему искаженіемъ и измѣной подлинной красотѣ. Поэтому онъ нарочно топчетъ и нарушаетъ эту земную красоту. Онъ хочетъ, чтобы люди быта и земной привязанности почитали его безумнымъ: это предохранитъ его отъ славы праведника, но не помѣшаетъ, иногда въ странныхъ и загадочныхъ словахъ, говорить объ иномъ мірѣ и его правдѣ. Самымъ фактомъ отверженія

міра, быта, онъ проповѣдуетъ существованіе иного міра, иной жизни. Юродство—не національное (Прокопій Устюжскій былъ нѣмецъ), а чисто православное явленіе: подвигъ проповѣди юродиваго возможенъ только въ православной средѣ, въ средѣ чуткой къ явленіямъ духовной жизни, среди людей, которые за безумной внѣшностью могутъ почуять явленія дўха. Юродивые рѣдко снимаютъ маску юродства: нѣкоторые на исповѣди (Дивѣевская Пелагея), нѣкоторые передъ своимъ другомъ (прп. Симеонъ и др.). Снималъ ли ее передъ Прохоромъ его другъ, мы не знаемъ, но въ ихъ дружбѣ намъ ясно, что еще совсѣмъ юношей, почти мальчикомъ, Прохоръ умѣлъ чувствовать духовныя явленія.

Кромѣ этого юродиваго, у него есть еще четверо друзей сверстниковъ, тоже купеческихъ дѣтей.

Въ 18 лѣтъ Прохоръ думаетъ о монашествѣ.

Онъ говоритъ объ этомъ своей матери, и мать благословляетъ его мѣднымъ распятіемъ, которое онъ всю жизнь будетъ носить на себѣ.

О своемъ желаніи онъ говоритъ и своимъ друзьямъ, и они его одобряютъ. Прохоръ собирается на богомолье въ

Кіевъ. Его друзья рѣшаютъ идти вмѣстѣ съ нимъ.

Въ Кіевѣ Прохоръ открываетъ старцу Досифею свое желаніе монашескаго подвига, и старецъ благословляетъ его и указываетъ идти въ Саровскій монастырь.

Изъ Кіева Прохоръ возвращается домой въ Курскъ и только черезъ два года, 20 ноября 1779 г. приходитъ въ Саровскую обитель и поступаетъ послушникомъ.

Сохранилось воспоминаніе видѣвшаго его въ то время. Вокругъ Сарова были большіе лѣса, и послушники — лѣсорубы большой артелью ходили на лѣсныя работы. Вотъ они возвращаются съ работъ и поютъ, и запѣвало—высокій, сильный, бѣлокурый Прохоръ. Идетъ и поетъ.

Началась цѣпь обычныхъ послушаній и особенную ловкость онъ проявляетъ въ столярномъ дѣлѣ, такъ что на долго сохранилось прозвище — „Прохоръ—столяръ".

Саровскіе старцы съ самаго начала обратили вниманіе на его мужественную ревность къ дѣлу поста и молитвы. Въ свободное время онъ много читаетъ (Шестодневъ, Лѣствицу, Добротолюбіе) и читаетъ всегда стоя. У него любовь къ

уединенію, и игуменъ разрѣшаетъ ему уходить въ лѣсъ для молитвы.

Начальные труды Прохора вдругъ прерываются болѣзнью, причемъ не совсѣмъ ясно что у него было: нѣкоторые говорили, что у него водянка или какой то гнойникъ внутри. Заболѣлъ онъ въ 1780 г. и пролежалъ три года. Однажды онъ видѣлъ во снѣ Божію Матерь съ ап. Іоанномъ. Обращаясь къ послѣднему и показывая на Прохора, Божія Мать сказала: „этотъ нашего рода“ и коснулась его головы и бока, и въ мѣстѣ прикосновенія прорвался наружу гной или вода, и послушникъ Прохоръ сталъ быстро выздоравливать. Черезъ годъ, въ 1884 г., онъ настолько окрѣпъ, что его послали на послушаніе „по сбору“ пожертвованій.

Въ 1786 г. послѣ 7 лѣтъ послушанія, его постригли и дали имя Серафимъ, что значитъ „пламенный“, „горящій“.

Черезъ годъ, въ 1787 г., его рукоположили во іеродіакона и онъ, по имени своему пламенно совершалъ свое служеніе.

Однажды, во время Литургіи, когда наведя oраремъ при возгласѣ „и во вѣки вѣковъ“, онъ обернулся къ западнымъ вратамъ, о. Серафимъ вдругъ увидѣлъ Спасителя, идущаго по воздуху къ олтарю, и

вокругъ него ангелы, „какъ рой пчелиный“. Діаконъ Серафимъ остановился и замолкъ. Умные монахи поняли, что онъ сподобился благодатнаго „посѣщенія“, взяли его за руку, отвели въ олтарь и онъ стоялъ тамъ и лицо его то блѣднѣло, то покрывалось румянцемъ. Объ этомъ „посѣщеніи“ онъ открылъ старцамъ тогда же. О всѣхъ остальныхъ—разсказалъ только въ глубокой старости.

Въ 1793 г. его рукополагаютъ во іеромонаха, и съ благословенія игумена начинается его подвигъ одиночества. Онъ живетъ въ „пустынькѣ“, маленькой келліи среди лѣса, за нѣсколько километровъ отъ монастыря.

Здѣсь онъ несъ подвигъ поста—питался вареной травой „снитью“—и подвигъ преодолѣнія обычнаго въ пустынножительствѣ „страхованія“, когда вдругъ слышатся угрожающіе голоса, крики, ревъ звѣрей, буря. Эти страхованія обычно приходятъ ночью, во время подвига бдѣнія молитвы. Днемъ онъ работаетъ, корчуетъ пни, разбиваетъ огородъ, поетъ. И вдругъ останавливается, топоръ выпадаетъ изъ его рукъ и онъ стоитъ, какъ тогда въ олтарѣ и лицо его то блѣднѣетъ, то покрывается румянцемъ. Это благодатныя „посѣщенія“. „И бысть тогда

сердце мое таяй, какъ воскъ отъ огня, отъ неизреченной радости".

Каждое воскресеніе онъ идетъ къ Литургіи и пріобщается св. Тайнамъ.

Девять лѣтъ продолжается эта жизнь въ возрастающемъ подвигѣ. Къ этому времени относится и его 1000—дневное моленіе на камнѣ.

Его жизнь становится извѣстной и народъ начинаетъ ходить къ нему.

Въ 1804 году на него напали разбойники, требуя денегъ. Они повалили его и били ногами, полѣномъ, топоромъ.

Черезъ нѣсколько дней, едва двигаясь, весь въ крови, онъ пришелъ въ Саровъ. Его положили въ больницу. Онъ очень страдалъ. Началась длительная безсонница. И снова—явленіе Божіей Матери, и затѣмъ—выздоровленіе. Онъ поправился, но уже до конца дней осталась извѣстная намъ по иконографіи согбенность.

Какъ только силы его возстановились, онъ снова ушелъ въ „пустыньку" и началъ сверхъ прежнихъ еще болѣе трудный подвигъ—молчанія. Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ. Монаху, приносящему ѣду, отворяетъ дверь закрывъ лицо и стоя на колѣняхъ. Потомъ пересталъ и отворять, а только клалъ около двери или корку

хлѣба, или капусту: это указаніе, что надо принести въ слѣдующій разъ.

Слабость и далекое разстояніе, не даютъ ему, особенно зимой, ходить въ обитель по воскресеніямъ. Поэтому онъ рѣдко пріобщается и это смущаетъ Саровскихъ монаховъ.

Тогда, въ 1810 г., игуменъ послалъ сказать ему, чтобы онъ вернулся въ обитель. Прп. Серафимъ выслушалъ, ничего не отвѣтилъ, но черезъ день вернулся въ монастырь и началъ подвигъ затвора: ни съ кѣмъ не говоритъ, никуда не выходитъ. Разъ въ недѣлю приходитъ іеромонахъ со Св. Дарами и причащаетъ его. Его келлія не отапливается. Горитъ лампада. Лежатъ мѣшки съ камнями. Иногда онъ спитъ на нихъ, а иногда сидя на обрубкѣ пня.

Черезъ пять лѣтъ затвора онъ осторожно и медленно начинаетъ ослаблять затворъ. Въ 1815 г. онъ открываетъ двери келліи. Приходящихъ благословляетъ, но молчитъ. Потомъ изрѣдка сталъ говорить с монахами. Такъ онъ прожилъ 10 лѣтъ, изрѣдка выходя изъ келліи и иногда, очень рѣдко, принимая нѣкоторыхъ людей. Къ этому времени относится и первое исцѣленіе, совершенное имъ: Мантурова въ 1823 г.

Въ 1825 году онъ кончаетъ затворъ и къ нему пошелъ народъ. Начался подвигъ старчества.

Въ 1833 г., 2-го января — его кончина, которую онъ предчувствовалъ за 4 мѣсяца.

* * *

Такова внѣшняя исторія его жизни.

Но что побуждало его идти такимъ путемъ? Почему эти подвиги въ пустынькѣ, моленіе на камнѣ, молчаніе, затворъ? Почему это осторожное, постепенное прекращеніе затвора и наконецъ подвигъ старчества, когда къ нему хлынула вѣрующая Россія?

Какъ онъ понималъ свой жизненный путь, почему такъ его построилъ, чѣмъ руководился?

Прп. Серафимъ отвѣчаетъ на всѣ эти вопросы и открываетъ свой внутренній міръ въ бесѣдѣ съ Мотовиловымъ.

Эта бесѣда происходила между 1831 и 33 годами. Запись была сдѣлана вѣроятно тогда же, но не позднѣе 1840 г. Опубликована она была въ 1903 году. Она была получена писателемъ С. Нилусомъ отъ вдовы Мотовилова, въ постригѣ старицы Елены, въ Дивѣевской обители, гдѣ рукопись пролежала болѣе 60 лѣтъ.

Мотовиловъ—горячій, искренній, благородный, богатый помѣщикъ. Въ житіи прп. Серафима мы впервые встрѣчаемъ его тяжко больнымъ. Онъ разслабленный, у него постоянныя мучительныя боли, скорченныя ноги, онъ весь въ ранахъ отъ пролежней. Эта болѣзнь у него уже много лѣтъ. Повидимому до нея онъ жилъ бурной и страстной жизнью. Однажды у него было видѣніе, суть котораго въ томъ, что онъ увидѣлъ и понялъ, почувствовалъ въ себѣ присутствіе страшной, черной, сатанинской силы. Послѣ этого видѣнія онъ и заболѣлъ.

Онъ много и долго безрезультатно лѣчился и наконецъ измученный ѣдетъ въ Саровъ. Ѣдетъ четверней, со слугами. Пріѣхалъ къ празднику Рождества Богородицы. 7-го и 8-го сентября онъ видѣлъ прп. Серафима и немного говорилъ съ нимъ.

9-го Преподобный ушелъ въ «Пустыньку», и туда повезли Мотовилова. Не доѣзжая, его сняли съ экипажа и понесли по лѣсу. Четверо несутъ, а пятый поддерживаетъ голову. Принесли и положили на землю.

Мотовиловъ проситъ исцѣлить его. Старецъ отказывается. Онъ снова проситъ, настойчиво, горячо.

„А вѣруете ли вы въ чудеса?“ спрашиваетъ старецъ.

„Вѣрую“.

„А вѣруете, что сейчасъ Господь можетъ сотворить чудо?“

„Вѣрую“.

„А если вѣруете, то милостію Божіей вы исцѣлены!“

„Какъ исцѣленъ: я такой же какъ и былъ“.

„Нѣтъ, вы исцѣлены“. Старецъ беретъ его за руки и помогаетъ ему встать, и Мотовиловъ встаетъ.

„Ну, вотъ видите? вы уже стоите“.

„Да, потому, что вы такъ хорошо и крѣпко меня держите“.

Тогда Преподобный отходитъ отъ него и Мотовиловъ стоитъ. Потомъ по приказу старца дѣлаетъ шагъ, другой, идетъ.

„Довольно! останавливаетъ старецъ: „вы слишкомъ долго лежали, надо постепенно привыкать“.

Такъ совершилось чудо этого поразительнаго исцѣленія. Такъ началась горячая, благодарная, безграничная любовь Мотовилова къ старцу и близость между ними, на основѣ которой и состоялась упомянутая удивительная бесѣда, раскрывающая міровоззрѣніе прп. Серафима и его жизненный путь.

Ее началъ Преподобный словами: „Господь открылъ мнѣ, Ваше Боголюбіе, что въ ребячествѣ вашемъ, вы усердно желали узнать, въ чемъ состоитъ цѣль жизни. Но никто не сказалъ вамъ о томъ опредѣлительно. Говорили: ходи въ церковь, молись Богу, твори заповѣди, твори добро. А нѣкоторые и негодовали: вышнихъ себя не ищи. Но они не такъ говорили, какъ бы слѣдовало. Вотъ я, убогій Серафимъ, растолкую вамъ теперь, въ чемъ дѣйствительно эта цѣль состоитъ".

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ прп. Серафимъ раскрываетъ ему, что цѣль жизни въ стяжаніи Святого Духа.

„Молитва, постъ, бдѣніе и всякія другія дѣла христіанскія, сколь они ни хороши, не сами суть цѣль. Они только средство для достиженія ея. А цѣль — состоитъ въ стяжаніи Духа Святого".

Только ради Христа, а не само по себѣ, доброе дѣло приноситъ плоды Духа Святого. Эти дѣла, не ради Христа,— Богу пріятны: „во всякомъ языцѣ бояйся Господа и дѣлаяй правду, пріятенъ ему есть". Но эти дѣла только предваряютъ спасительную вѣру: дѣла Корнилія сотника даютъ возможность явиться къ нему ангелу и послать его къ апост. Петру, который „речетъ ему глаголы

живота, въ нихъ же спасешися ты и весь домъ твой". Дѣла прокладываютъ намъ дорогу къ благодати Божіей. Воспользуется человѣкъ, подобно Корнилію, и увѣруетъ во Христа, тогда и эти дѣла вмѣнятся ему, какъ ради Христа сдѣланныя.

Ради Христа добро сдѣланное, не только готовитъ человѣку награду въ будущей жизни, но и въ здѣшней жизни даетъ благодать Св. Духа и при томъ щедро: „не въ мѣру бо даетъ Богъ Духа Святого".

„Стяжаніе"—это все равно что пріобрѣтеніе: „Купуйте дондеже пріиду, искупующе время", т.е. выгадывайте время для полученія небесныхъ благъ.

„Товары, которыми надо торговать — добрыя дѣла, и надо слѣдить, какой товаръ приноситъ больше барыша, больше даетъ благодати. Какой образъ жизни, какія занятія лучше, больше приносятъ благодати.

Вселеніе въ человѣка Духа Святого, Утѣшителя, сопребываніе Его съ человѣкомъ—спасеніе человѣка и оно дается черезъ трудъ стяжанія.

Способы разные — товары разные,—но самое простое и всегда доступное средство—молитва.

Молиться надо лишь до того времени, пока не сойдетъ благодать Св. Духа „въ извѣстныхъ Ему мѣрахъ". Когда посѣтитъ, тогда остановись и слушай его, ибо что звать „приди и вселися", когда Онъ уже пришелъ".

Благодать Св. Духа, Его посѣщенія надо знать. „По невнимательности нашей къ дѣйствію Промысла Божія, мы почти вовсе уклонились отъ христіанской жизни: намъ странно читать у ап. Павла „идохомъ во Ахаію и Духъ Божій не иде съ нами. Обратились въ Македонію и Духъ Божій иде съ нами".

„Мы зашли въ тьму невѣдѣнія. Подлинные христіане подлинно знали явленіе Бога и понятіе объ этомъ въ обыкновенномъ разговорѣ не казалось страннымъ. Бога и благодать Св. Духа они видѣли не во снѣ и не въ изступленіи воображенія разстроеннаго, а истинно въ яви. Мы не ищемъ благодати, не ищемъ истиннаго просвѣщенія".

„Когда Христосъ дунулъ на апостоловъ, Онъ возобновилъ дыханіе жизни, утраченное Адамомъ, и даровалъ имъ эту самую благодать Св. Духа. Въ день Пятидесятницы торжественно исполнилъ ихъ силы Св. Духа".

„Суть нѣцыи отъ васъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже

видятъ Царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ". Это сказано о сошествіи Св. Духа.

„Царство Божіе внутри васъ есть". Вселеніе Божіе внутрь насъ — Царство Божіе—познается просто. Познается по миру въ душѣ; это тотъ миръ, о которомъ Спаситель говоритъ: „Миръ Мой даю Вамъ, миръ Мой оставляю Вамъ". Это миръ „всякъ умъ преимущій и несказанный... Человѣкъ въ Богѣ просвѣтляется. Такъ свѣтился Моисей, сходя съ горы Синайской. Это свѣтъ Фаворскій".

„Царство Божіе познается по радости, но какъ она ни велика, она только „предзадатокъ" радости небесной".

„Благодать Божія даетъ ни съ чѣмъ несравнимое блаженство. Его трудно описать. Оно согрѣваетъ: „теплотою Духа Твоего согрѣй меня". Такъ и должно быть, потому что въ человѣкѣ должна благодать Божія обитать. Она даетъ жизнь, радость жизни".

Царство Божіе внутри насъ, въ нашей внутренней жизни, а не въ чемъ либо внѣшнемъ: „Царство Божіе нѣсть пища или питіе, но правда и миръ о Дусѣ Святѣмъ".

* * *

Таковы мысли прп. Серафима, съ которыми онъ творитъ свои подвиги: ради жизни въ Богѣ, ради блаженства

этой жизни, ради причастія Царству Божію, ради жизни въ этомъ Царствѣ онъ идетъ въ монастырь, молчаніе, затворъ, чтобы научиться жить въ Царствѣ Божіемъ, чтобы умѣть въ немъ жить, чтобы всегда быть въ благодати Божіей. Потому онъ такъ осторожно и постепенно прекращаетъ затворъ: сперва отворяетъ двери и живетъ на глазахъ проходящихъ, потомъ начинаетъ говорить только съ монахами, потомъ съ нѣкоторыми мірянами и наконецъ, когда чувствуетъ, что общеніе съ людьми не выводитъ его изъ общенія со Св. Духомъ, только тогда, на 46 году своего подвига, онъ выходитъ на служеніе людямъ и начинаетъ подвигъ старчества. Онъ духовникъ, отецъ, братъ, другъ каждаго приходящаго и этотъ духовникъ, отецъ, братъ и другъ всегда причастенъ Св. Духу.

Потому его любовь, его радость. Потому „Пасхальная радость" отъ общенія съ нимъ. Каждое соприкосновеніе съ нимъ людей—поводъ для раскрытія любви и радости благодати причастной ему. Потому каждаго приходящаго онъ встрѣчаетъ словами „радость моя", „Христосъ Воскресе".

Потому и идетъ къ нему народъ: быть у него, общаться съ нимъ, значитъ прикоснуться Царствію Божію.

Это не мечтаніе, не идея, это реальность и о ней свидѣтельствуютъ эти тысячи людей, со всѣхъ концовъ Россіи, въ слезахъ радости выходящіе отъ него.

Богъ, невидимый міръ Божественный не только предметъ вѣры: въ келліи прп. Серафима—это предметъ опытнаго знанія.

Войдемъ мысленно въ эту келлію. Войдемъ съ русскими людьми, чтобы соприкоснуться съ прп. Серафимомъ, почувствовать его жизнь, понять его ученіе о томъ, что въ Бога надо не только вѣровать: Его надо знать, опытно знать въ своемъ сердцѣ касаніе Св. Духа.

Къ нему идутъ тысячи. Одна пріѣхавшая въ Саровъ изъ далекаго Петербурга, рано утромъ, въ окно увидѣла толпу безъ шапокъ, медленнымъ потокомъ входящую въ домъ, гдѣ онъ живетъ.

И вотъ наконецъ его келлія. Она очень мала и въ ней жарко отъ множества горящихъ свѣчей, поставленныхъ Старцемъ за тѣхъ, кто просилъ его молитвъ. Вотъ пень, на которомъ онъ сидитъ и спитъ сидя или въ положеніи земного поклона. Бутыли со святой водой, сухари въ мѣшкахъ.

Каждаго входящаго онъ встрѣчаетъ любовью: это идутъ его дорогіе и род-

ные дѣти, братья, друзья съ желаніемъ прикоснуться дорогому и для него родному Божественному міру. Встрѣчаетъ иногда отвѣтомъ безъ вопроса. Съ каждымъ хоть минуту живетъ. Говоритъ иногда прямо, иногда иносказательно. Вотъ женщина съ двумя дочерьми, овдовѣла, не знаетъ какъ направить жизнь. Благословляетъ и даетъ палочку съ двумя сучками. Потомъ пойметъ, когда станетъ игуменіей, а дочери монашками.

Иногда говоритъ громко, иногда шопотомъ на ухо. Отвѣчаетъ сразу, говоритъ первую мысль: „Люди приходятъ ко мнѣ, какъ къ рабу Божію, и вѣрую, что по ихъ вѣрѣ Господь даетъ мнѣ отвѣтъ". Да! Онъ можетъ такъ вѣровать, потому что знаетъ, когда онъ въ Богѣ.

Подвигъ старчества неисполнимъ для человѣческихъ силъ. Это не есть дѣятельность опытнаго духовника, а нѣчто иное и гораздо большее. Самый любящій человѣкъ не можетъ своими естественными силами принимать это множество народа, съ каждымъ хоть на минуту духовно соединиться, пожалѣть, полюбить, понять что ему нужно, принять его исповѣдь, духовно обрадовать и направить. Человѣческими силами, безъ благодатной помощи этого просто нельзя сдѣлать. Слова, что „старецъ беретъ

на себя, на свою душу человѣка и его грѣхи" — это не образное выраженіе любви! Нѣтъ, это правда, это реальность. Только такъ духовно соединившись и можно быть старцемъ, но безъ помощи Св. Духа этого сдѣлать нельзя.

Старецъ это дѣлаетъ силой Божественной, причастной ему. Онъ продолжаетъ подвигъ Христа-Спасителя, ибо Господь „вселился въ него" и въ старцѣ творитъ Христосъ и потому эта сострадательная любовь и человѣколюбіе крайнее. Такъ старецъ болѣетъ грѣхами людей, ближнихъ приходящихъ къ нему, своего народа.

И какъ онъ болѣлъ грѣхами Русскаго народа, какъ любилъ его, какъ зналъ его, его внутреннее состояніе и его будущее. Онъ зналъ и провидѣлъ время, когда будетъ у русскаго народа невыразимая скорбь и бѣдствія, когда люди будутъ гибнуть во множествѣ такомъ, что „ангелы не будутъ успѣвать принимать души". Онъ зналъ это, говорилъ объ этомъ, и лицо его выражало непередаваемое страданіе. И потомъ онъ же говорилъ, что настанетъ день, когда Господь помилуетъ русскій народъ и возстановитъ Россію, „ибо въ очахъ Божіихъ нѣтъ лучше жизни народной, какъ управляемой Православнымъ Царемъ".

Такъ онъ говорилъ и видѣлъ грядущее прощеніе и возрожденіе и „въ восторгѣ всплескивалъ руками“ . . .

Но вернемся къ современности: она также охватывается прп. Серафимомъ, ибо на всѣ вѣка онъ говорилъ свое ученіе и имъ, также какъ сто лѣтъ назадъ, могутъ и должны руководствоваться люди, ибо это ученіе о смыслѣ жизни, о вѣчномъ Православіи, о православномъ человѣкѣ, о православной жизни.

У каждаго вѣрованія, каждой философіи, идеи, ученія — есть нравственная сторона, и „свой“ человѣкъ. Прп. Серафимъ говоритъ Мотовилову о православномъ пониманіи смысла жизни и въ его словахъ намъ ясно вырисовывается психологическій типъ, характеръ внутренней жизни, нравственнаго устроенія человѣка, живущаго съ такимъ пониманіемъ смысла жизни. Становится ясенъ, понятенъ—православный человѣкъ.

Прп. Серафима нашли, поняли, оцѣнили — православные русскіе люди, по преимуществу простой народъ.

Они нашли, поняли, почувствовали его причастность Царству Божію и около него познали это Царство. Они поняли, что прп. Серафимъ не добрый старичокъ-землячокъ, а причастникъ Божественной жизни. Они познали-почувствовали имен-

но ее, познали Царство Божіе въ убожествѣ жизни убогаго Серафима. Познали, что Царство Божіе поистинѣ „внутрь насъ есть", во внутренней жизни человѣка, а не во внѣшней обстановкѣ. Что христіанинъ „прежде всего" ищетъ этого Царства Божіяго и только тогда и „это все"—житейское, внѣшнее —„прилагается".

Представители русскаго образованнаго, ведущаго слоя не замѣтили Преподобнаго Серафима, не поняли, не нашли и не пошли къ нему. Не думали о „православномъ человѣкѣ" и не замѣтили его. Во всей русской литературѣ, въ исторіи того времени нѣтъ даже упоминанія о прп. Серафимѣ и о Саровѣ. Только въ одномъ изъ писемъ Хомякова упоминается Саровъ, какъ примѣръ строгаго монашескаго Житія. Прп. Серафимъ—современникъ Пушкина, Лермонтова, славянофиловъ, но изучая русскую культуру того времени нельзя даже догадаться, что въ это время жилъ въ Россіи святой, чудотворецъ, человѣкъ причастный Царству Божію, что въ немъ и вокругъ него было на землѣ это Царство.

Какое поразительное явленіе такая слѣпота. Ее никогда нельзя забыть.

Но какъ могло это быть? Какъ могла быть такая слѣпота къ явленію православной жизни въ „Православной Россіи“?

Отвѣтъ напрашивается въ словахъ прп. Серафима Мотовилову: „Вамъ не такъ говорили, какъ бы слѣдовало“. Иначе сказать, не такъ учили, вы не усвоили Православнаго міровоззрѣнія, пониманія смысла жизни. Вы жили подъ чуждыми, неправославными вліяніями. Мировоззрѣніе, внутренній укладъ, мысли, стремленія, вкусы, интересы, оцѣнки,—все это у русскаго образованнаго культурнаго общества далеко отъ создаваемыхъ Православіемъ, и въ потокѣ этой жизни не замѣтили прп. Серафима.

Въ лицѣ Мотовилова мы имѣемъ все-таки представителя вѣрующей среды. Была въ Россіи и среда невѣрующая и богоборческая. Но и въ этомъ вѣрующемъ потокѣ Русской жизни уже нѣтъ ясности и прозрачности православнаго источника.

Мотовилова учили, что цѣль жизни исполненіе дѣлъ религіознаго закона. Что цѣнно на землѣ? Дѣла! То что сдѣлаетъ человѣкъ! И надо дѣлать добрыя дѣла. Творить упорно, неукоснительно. И въ награду за эти дѣла, закономъ установленныя, послѣ смерти человѣкъ

получитъ награду: спасеніе, блаженство. Получитъ потомъ когда-то, и тогда наступитъ или человѣкъ вступитъ въ Царство Божіе.

Прп. Серафимъ говоритъ, что въ такомъ пониманіи есть роковая ошибка: спасеніе, блаженство—въ непосредственной близости къ Богу, въ общеніи съ Богомъ и только въ этомъ. Но это общеніе доступно человѣку уже теперь, на землѣ, и блаженство въ будущей жизни, еще большее, есть продолженіе и слѣдствіе близости къ Богу сейчасъ, на землѣ. Что это достигается также черезъ добрыя дѣла.

Въ чемъ разница: и тутъ и тамъ—добрыя дѣла?

Но въ одномъ пониманіи они цѣль, въ другомъ только средства. Въ одномъ награда и близость къ Богу когда-то потомъ, въ другомъ здѣсь и сейчасъ.

За этими двумя пониманіями стоятъ два пути жизни человѣка, два разныхъ типа устроенія человѣка.

Если цѣль жизни исполненіе дѣлъ, то такое пониманіе воспитываетъ человѣка исполнителя. Онъ хорошо знаетъ законъ, исполнительный, точный, аккуратный, упорный. Таковъ его характеръ и главныя добродѣтели и въ качествѣ иллюстраціи мы легко можемъ себѣ предста-

вить хорошаго человѣка Западной культуры.

Православное ученіе о смыслѣ жизни, по новому, въ яркихъ и оригинальныхъ образахъ излагаемое Прп. Серафимомъ, воспитываетъ человѣка иного характера, иныхъ качествъ. Прп. Серафимъ хочетъ отъ человѣка „прежде всего" исканія Царства Божія. Хочетъ отъ человѣка духовной чуткости къ явленіям духовной жизни. Хочетъ свободной волею исканія Царства Божія и въ этомъ исканіи — ума, сообразительности, сметки. Человѣкъ долженъ познать благодатныя касанія Духа, долженъ слѣдить за своей жизнью, соображать и понимать какой трудъ, какія дѣла, какой образъ жизни для него полезнѣй, „больше даетъ барыша", больше и чаще даетъ благодатнаго благословенія Божія. Дѣла имѣютъ значеніе служебное. Для того, чтобы жить осмысленно—нужна волевая энергія, творческая активность, ибо человѣкъ творчески — активно участвуетъ въ своемъ спасеніи, а не какъ исполнитель урока.

Вѣрующій въ дѣла и награду „за нихъ" долженъ почитать, что его дѣла имѣютъ цѣнность и она принадлежитъ ему, а награда придетъ какъ должное.

Прп. Серафимъ хочетъ отъ человѣка безграничнаго смиренія, сознанія, что

у него ничего нѣтъ и не можетъ быть ничего, за что ему „должна" быть дана награда. Смыслъ жизни и спасенія онъ понимаетъ въ томъ, чтобы искать подлинную вѣчную цѣнность, а она въ Богѣ. Что цѣннаго своего онъ имѣетъ? Ничего, онъ „нищій духомъ". Вся жизнь внутренняя, вся энергія, всѣ силы ума, сердца и воли направлены къ исканію Бога, ибо въ Немъ, въ реальномъ, живомъ, опытно познаваемомъ усвоеніи Божественной жизни, въ „стяжаніи Св. Духа"— смыслъ и блаженство.

Человѣку надо подлинно „отвергнуться себя" и „прежде всего искать Царства Божія".

Нѣтъ мѣста горделивому признанію цѣнности своихъ дѣлъ: нѣтъ „своего"! Человѣкъ приноситъ только свободное желаніе спасенія, и свв. отцы говорятъ, что и Богъ всемогущій не можетъ спасти человѣка, если онъ не „соблаговолитъ" быть спасеннымъ.

Такъ создаются два совершенно различныхъ человѣка. У нихъ разныя мысли, разныя оцѣнки цѣнностей, разное внутреннее устроеніе. Когда люди недоумѣваютъ и говорятъ „неужели такъ важно различіе между иными исповѣданіями иногда только въ одномъ словѣ (и тогда вспоминаютъ всегда filioque),

въ концѣ концовъ развѣ это не все то-же самое?" то говорящіе такъ всегда обнаруживаютъ, что никогда не интересовались вѣрою и не задумывались, какая огромная разница во внутренней жизни человѣка за этими различіями. Она настолько велика, что душевное состояніе праведника одного исповѣданія есть то именно, отъ чего предостерегаетъ другое, признавая его „прелестью" т.е. признаніемъ ложнаго состоянія въ качествѣ подлинно цѣннаго. Потому разница между ними такова, что одинъ стремится къ тому, отъ чего бѣжитъ другой. Есть очень поучительный трудъ, въ которомъ авторъ (Лодыженскій) сравниваетъ жизнь и внутренній міръ и взгляды Прп. Серафима и Франциска Ассизскаго, и доказывает ихъ глубокое различіе.

Разница пониманія смысла жизни у православныхъ и тѣхъ, кого „не такъ учили, какъ бы слѣдовало", разница ихъ взглядовъ и внутренняго устроенія приводитъ къ тому, что они все по разному понимаютъ, представляютъ, по разному молятся.

Усвоившій философію цѣнности дѣлъ и Царства Божія какъ награды за дѣла, говоря „да пріидетъ Царствіе Твое", будетъ думать о наградѣ, о концѣ свѣта. Или въ томъ смыслѣ, что просить

помощи создать такія условія, порядки государственной жизни, что придетъ это Царство и Господь будетъ царствовать на землѣ. Думаютъ о царствѣ—государствѣ, въ совершенныхъ формáхъ, человѣкомъ созданныхъ, когда Господь сможетъ царствовать на землѣ. Вѣруя въ цѣнность человѣческихъ дѣлъ, люди съ такимъ міровоззрѣніемъ неизбѣжно будутъ думать, что смыслъ жизни въ культурныхъ достиженіяхъ, и страстно—хиліастически будутъ понимать Царство Божіе. Именно такъ толковали люди привязанные къ землѣ, не знающіе смиренія и „отверженія себя“, слова о 1000-лѣтнемъ Царствѣ Христовомъ въ Апокалипсисѣ, и не могли усвоить мысли, что тамъ рѣчь идетъ о длительности историческаго бытія Церкви на землѣ. Именно въ такомъ духѣ, взволнованно и страстно, писалъ напр. Мережковскій о значеніи культуры, какъ условія наступленія Царства Божія на землѣ. По его мысли, всякій творящій культуру — дѣлаетъ „Христово дѣло“. Напр. Петръ I — яркій продолжатель Христова Дѣла, потому что поднимаетъ культуру въ Россіи. Поэтому напр. революціонное движеніе, поскольку, по убѣжденію этого писателя, служитъ той же культурѣ, оно дѣлаетъ Христово дѣло. Онъ

настолько былъ ослѣпленъ этой философіей, что когда ему указывали на противорелигіозный характеръ революціоннаго движенія, онъ возражалъ, что это недоразумѣніе, что на самомъ дѣлѣ они служатъ Богу, ибо продолжаютъ Петрово дѣло, а „Петрово дѣло — Христово дѣло", и онъ звалъ Церковь присоединиться къ богоборческому революціонному движенію. Въ угарѣ этихъ страстныхъ и гордыхъ мыслей, и превозношенія человѣческой воли, культуры и творчества, вся историческая жизнь и дѣятельность человѣческая представляется ему полной высокаго значенія и онъ противопоставляетъ ее подвигу молитвы и стяжанію благодати, говоря, что «въ то время, когда былъ Наполеонъ, декабристы — Преп. Серафимъ стоялъ на камнѣ и молился». Говоря такъ въ нѣкую пору своей жизни, онъ непонималъ, что міръ стоитъ праведниками: когда не будетъ праведниковъ, когда міръ перестанетъ плодоносить, міру безсмысленно существовать. По нашему единству человѣческому, по соборности, подвигъ праведника есть подвигъ человѣчества.

Прп. Серафимъ, молясь на камнѣ въ поразительномъ духовномъ подвигѣ и благодатномъ озареніи, оправдывалъ бы-

тіе человѣчества. Представители культуры не понимали ни подвига, ни его высоты, ни значенія и смысла.

Какъ ни странно и ни страшно, но всѣ эти дѣйствительно безумные, бредовые взгляды живутъ и теперь, особенно въ протестантскомъ мірѣ, и мы видимъ въ немъ представителей идеи возможности соединенія вѣры съ богоборчествомъ. Къ этой извращенности они приходятъ, исходя все изъ того же поклоненія всякому проявленію человѣческой воли. Видя передъ собою сильнѣйшее богоборческое движеніе, руководимое коммунистической властью, они не могутъ отнестись къ нему отрицательно, ибо таково проявленіе творчества и „культуры"! И яко бы христіане, они признаютъ, и тѣмъ поддерживаютъ, гонителей Христа!

Идея совершеннаго строя, какъ созданія человѣческаго, всегда соблазняла людей: найти, создать такой строй, чтобы жизнь стала въ счастье и радость! Набрасывались „утопіи", строились планы такого государства. Русскіе раскольники изъ Сибири ѣздили его разыскивать. Сколько крови пролито во имя этой идеи „рая на землѣ". Тамъ, во имя такого строя въ коммунизмѣ, во имя такого соблазна, убиваетъ безъ числа людей злая, страстно-богоборческая во-

ля. Здѣсь найденъ путь къ нему въ возвеличиваніи воли человѣка и строится арелигіозное демократическое государство. Исторія знаетъ и религіозное теократическое (и тоже тоталитарное) католическое государство, „Священную" имперію. Нашъ современникъ, видный протестантскій идеологъ, говоритъ, что „цѣль государства — подготовить условія для наступленія Царства Божія на землѣ".

А православный, въ отвѣтъ на всѣ эти страстныя бредовыя мечты гордой души, прочтетъ въ Евангеліи (Лк. 17, 20)— «не прійдетъ Царство Божіе примѣтнымъ образомъ», т.е. оно не имѣетъ своихъ, ему присущихъ „культурныхъ" и „совершеннныхъ" формъ, ибо оно „внутри насъ" во внутренней, духовной, сердечной, душевной жизни человѣка.

Прп. Серафимъ знаетъ это царство и говоря „да пріидетъ Царствіе Твое" молится о томъ, чтобы Богъ и божественная жизнь сейчасъ вошли въ его душу, чтобы благодать Божія озарила душу и его, и людей.

„Да будетъ воля твоя"—у одного это изъявленіе покорности, или развитіе или аттрибутъ Царствія Божія.

У другого—это самое высшее, дерзновенное желаніе, чтобы его воля, сочеталась съ волею Бога! Когда „Царство

Твое" — Божественная жизнь посѣтитъ человѣка, то онъ хочетъ всецѣло проникнуться ею, чтобы его воля и воля людей — вся молитва Господня учитъ единству съ людьми — была Христова воля.

Когда по западному вѣрующій въ значеніе дѣлъ, исполнитель закона, не знающій Серафимовскаго непосредственнаго отношенія къ Богу, проситъ о прощеніи грѣховъ, то это означаетъ просьбу о томъ, чтобы этотъ грѣхъ былъ бы вычеркнутъ, сброшенъ со счетовъ къ моменту расплаты, (а можетъ быть еще и просьбу, чтобы кто-то, у кого есть «сверхдолжныя» дѣла, уравновѣсилъ ими тяжесть моихъ грѣховъ?). Человѣкъ проситъ о прощеніи грѣховъ, въ противовѣсъ имъ дѣлаетъ добрыя дѣла, вѣруетъ, что будетъ прощенъ, но не знаетъ—прощенъ или нѣтъ.

А человѣкъ, какъ Прп. Серафимъ, знающій посѣщенія Св. Духа, знаетъ когда прощенъ грѣхъ: тогда, когда снова возстановилось нарушенное грѣхомъ единеніе съ Богомъ. Вотъ почему мы такъ часто читаемъ у свв. оо. „И помолился старецъ" или „трижды молился" и былъ прощенъ...

Это знаніе дано не только Прп. Серафиму, но и каждому вѣрующему и

молящемуся. И каждый знаетъ тяжесть грѣха нераскаяннаго и непрощеннаго и радость покаянія и прощенія. И каждому доступенъ міръ Божественный, а отнюдь не только избранникамъ, яко бы нарочито для того одареннымъ: къ каждому человѣку можетъ придти Господь, ибо сказано: „Се стою у двери и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой и откроетъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною". (Откр. 3, 20).

Только въ насъ жизнь внутреняя, духовная происходитъ смутно и едва-едва, а Прп. Серафимъ свѣтится ею и при „посѣщеніяхъ" Божественныхъ—„топоръ выпадаетъ изъ его рукъ и лицо его то блѣднѣетъ, то покрывается румянцемъ и сердце его горитъ отъ неизрѣченной радости".

Когда мы смотримъ на Прп. Серафима въ этотъ моментъ, его свѣтъ и огонь изобличаютъ наше ничтожество и теплохладность и можетъ придти соблазнительная лживо-смиренная мысль, что онъ настолько недосягаемъ, что его мысли и ученіе къ намъ неприложимы, ибо онъ совсѣмъ другой и съ нами несоизмѣримъ. Нѣтъ! Это не такъ: именно соизмѣримъ. Разница между нами грѣшными, но вѣрующими,—и святыми не качественная,

а количественная. Въ насъ тоже вѣра,— только у нихъ сильнѣе. Тоже ощущенiе добра и зла,—только у нихъ ярче.

Когда мы вглядимся въ обычнаго человѣка, котораго мы называемъ—„хорошiй человѣкъ", то мы поймемъ, что его внутренняя жизнь „подобна" жизни Прп. Серафима: у этого хорошаго, „правильнаго" человѣка есть живое ощущенiе добра и зла, онъ инстинктивно сторонится зла и радуется добру. Онъ блюдетъ миръ душевный, сторонится страстей. У него бдительность и трезвенность, сдержанность и скромность. Все это подобно внутренней жизни праведника, только у послѣдняго все это ярче и сильнѣе. Но эти правильные люди вѣрно идутъ. Эти скромные люди — творцы доброй жизни „умѣтели", и это они создали Святую Русь, и они нашли и поняли „убогаго Серафима". И мать Прохора—мужественная и трезвая — изъ той же среды „умѣтелей" и строителей и въ этой именно средѣ родился и выросъ Прп. Серафимъ.

Он родной намъ, у насъ общая вѣра, только онъ много выше и сильнѣе. И мы ему родные, только слабые и грѣшные. Но не чужiе и потому онъ такъ неустанно и ласково учитъ насъ, надѣясь, что поймемъ его.

„Такъ то, Ваше Боголюбіе“...

Да, многому и многому есть чему поучиться современному человѣку у „Православнаго Человѣка“ Прп. Серафима.

Онъ „простъ“, цѣленъ и внутреннно единъ. У него нѣтъ раздвоеній, противорѣчій, и увлеченій грѣшныхъ, страстныхъ людей. Нѣтъ „случайныхъ“ словъ и потому такъ внимательно слушали его вѣрующіе. Потому не случайны его слова о Православномъ Царѣ. Все чѣмъ увлекались люди, которые „не такъ, какъ слѣдовало бы“, учили Мотовилова, всѣ мечты и соблазны о „совершенномъ строѣ“, который должны построить несовершенные люди, всѣ мечты и утопіи, всѣ теоріи, что „высшій законъ—воля большинства“, что у государства, какъ у какого-то особаго существа есть свои таинственные законы жизни, все преклоненіе передъ „Культурой“ какъ бы языческимъ божествомъ, вся эта страстная возня человѣческая, вся эта мудрость „вѣка сего“,—какъ все это далеко отъ Божественной мудрости старца въ Православномъ Саровѣ. Спокойно и просто онъ отвѣтилъ бы современному Мотовилову, что государство это не особое существо, а общественная жизнь людей управляемая властью. Что эту жизнь надо такъ пост-

роить, чтобы люди не соблазнялись торжествующей, узаконенной неправдой, чтобы не было препятствій человѣку быть христіаниномъ. Нужно, чтобы въ государственной общественной жизни, въ общественныхъ отношеніяхъ людей признавалась Правда Божественная. Власть должна признавать и подчиняться этой Правдѣ. Носитель власти долженъ приносить обѣтъ въ этомъ. Тогда Церковь благословитъ его на царство. Богу угодно это смиреніе власти и потому Церковь совершаетъ надъ царемъ Таинство Мvропомазанія и „въ очахъ Божіихъ нѣтъ жизни лучшей, какъ управляемая Православнымъ Царемъ".

И теперь, какъ и тогда, Прп. Серафимъ будетъ „въ восторгѣ", думая какое облегченіе душъ человѣческихъ, какой восторгъ будетъ, когда снова Россія станетъ на свой историческій путь подчиненія власти Божіей Правдѣ. Это такое громадное событіе нравственнаго перерожденія всей жизни, что передъ нимъ мелки и сравнительно ничтожны всѣ техническіе и практическіе вопросы. Тогда „вся сія приложится".

* * *

Тема о православномъ человѣкѣ поистинѣ современна и актуальна. Русскій

человѣкъ, особенно въ высшемъ веду-щемъ слоѣ, давно какъ-то заплуталъ. Православіе—трудно. Оно тонко, благородно, божественно. Человѣку легче быть неправославнымъ. Россія давно жила подъ воздѣйствіемъ неправославныхъ идей, философіи и культуры, и подъ ихъ вліяніемъ человѣкъ внутренно мѣнялся. Но многое отъ Православія осталось и теперь. Страшныя испытанія и гоненія вѣры не вырвали корней: чего только не пережили, а вотъ въ народѣ осталась духовная чуткость, чувство правды, отзывчивость, доброта, и возвращающіеся изъ Россіи нѣмецкіе плѣнные разсказываютъ о русскомъ человѣкѣ, задумываются—что создало его и какъ онъ могъ сохраниться въ этой остервенѣлой жизни „совершеннаго строя". Но православному тамъ трудно жить, какъ трудно рости дереву, заваленному камнями. Такъ—на родинѣ, а зарубежомъ, онъ живетъ—тѣснимый чужими людьми, идеями, порядками, вѣрованіями.

Россія уже давно стала сбиваться со своего пути.

Ко времени Прп. Серафима въ „Православной Россіи", въ ведущемъ культурномъ слоѣ какъ то почти не стало „православнаго человѣка". Людей того времени „не такъ учили". И представи-

тели этого слоя не замѣтили Православнаго Праведника.

Бесѣда съ Мотовиловымъ такъ характерна: изъ интеллигентнаго культурнаго общества онъ одинъ изъ немногихъ пришелъ къ нему и кажется ни съ кѣмъ такъ длительно, откровенно и глубоко не говорилъ Преподобный. Онъ пришелъ къ старцу послѣ длительной тяжкой болѣзни... Можетъ быть и теперь, послѣ тяжкой болѣзни, въ которой такъ много общаго съ болѣзнью Мотовилова, — ибо и Россія, какъ онъ, ощутила въ себѣ присутствіе діавольской силы — можетъ быть и теперь къ Прп. Серафиму пойдутъ русскіе люди и услышатъ отъ него „радость моя", „Христосъ Воскресе".

Можно указать множество примѣровъ проникновеній неправославныхъ вліяній. Они проникали даже въ Церковь и ея высшія школы. Многіе неправославные взгляды стали общепринятыми, ходячими.

Но въ томъ же прошломъ вѣкѣ можно видѣть и струю православной жизни и мысли, и она пробивалась и въ высшіе круги. Можно намѣтить магистраль русскаго православнаго возрожденія. О ней говорятъ имена М. Филарета, Еп. Феофана Затворника, Еп. Игнатія Брянчанинова, Хомякова, Митрополита

Антонія. Это теченіе проникало и въ широкіе круги образованнаго общества.

Но медленно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ судьба рукописи Мотовилова: она болѣе 60 лѣтъ пролежала подъ спудомъ. Какъ могло это произойти? Не было интереса? Не поняли? Побоялись цензуры—ужъ очень по новому и дерзновенно говоритъ она о Православіи? Какое изъ этихъ объясненій ни взять, они всѣ одинаково горьки.

Такъ жила Россія.

Внѣшне все какъ будто прочно въ „Православной Россіи", а внутри въ „ведущемъ" (куда?) слоѣ — нѣтъ православнаго человѣка...

У живыхъ и внимательныхъ людей прошлаго вѣка начинается тревога за Россію. У Гоголя, Хомякова.

А Прп. Серафимъ раньше ихъ, уже давно горькими слезами плачетъ о Россіи: онъ уже знаетъ, что она идетъ къ бѣдѣ.

Большая мучительная тревога у Достоевскаго. Интересны его записки: его мучаетъ Толстой, его произведенія. Отъ нихъ всѣ въ восторгѣ, такъ прекрасно онъ описываетъ жизнь ведущаго дворянскаго общества. Какая жизнерадостная полнокровная жизнь, здоровье! А Достоевскій читаетъ и мучительно, съ

ужасомъ чувствуетъ, что полнота и какъ будто прочность русской жизни у Толстого — миражъ, что у общества нѣтъ устоевъ, что Россія идетъ не зная куда.

И мы теперь чувствуемъ, что Достоевскій былъ правъ: жили безъ міровоззрѣнія, безъ идеи и идеологіи.

Съ болью и невыразимымъ напряженіемъ Достоевскій постепенно идетъ къ тому, чтобы написать человѣка настоящаго, почвеннаго и желаннаго. Онъ пишетъ своего „главнаго героя" — Алешу Карамазова — вѣрующаго, румянаго, духовнаго реалиста. Яснаго и простого, и вокругъ него радость и исцѣленіе душъ.

Идея вѣрной, ясной, простой и свѣтлой жизни захватываетъ Достоевскаго. Его восторгъ выражаетъ „Подростокъ" и говоритъ объ этомъ „задыхаясь отъ волненія и восторга".

Это характерный для Достоевскаго, для его духовнаго роста, моментъ: онъ и Алешу проводитъ черезъ моментъ восторга любви къ жизни, когда онъ „въ слезахъ и въ изступленіи" цѣловалъ землю.

И другой образъ на томъ же пути творческаго достиженія: старецъ Зосима. Онъ учитъ Алешу: „Землю люби и неустанно ненасытимо люби, всѣхъ люби, все люби, ищи восторга и изступле-

нія сего. Омочи землю слезами радости твоей и люби сіи слезы твои. Изступленія сего не стыдись, дорожи имъ, ибо есть даръ Божій великій, да и не многимъ дается".

Намъ дороги всѣ исканія вѣрной жизни, вѣрнаго православнаго человѣка. Эти поиски характеризують эпоху русскаго возрожденія второй половины прошлаго вѣка. Это исканія потомковъ Мотовилова, котораго „не такъ учили, какъ бы слѣдовало". Предъ ними лежала та же задача, что и передъ нами — они искали правильный путь и правильнаго человѣка.

Наша задача теперь во многомъ труднѣе, но въ одномъ она легче: Прп. Серафимъ далъ намъ очертанія православнаго человѣка и намѣтилъ его путь.

И мы знаемъ благодаря ему, что хотя въ Россіи была долголѣтняя назрѣвающая болѣзнь и потокъ ясной воды Православія сильно замутился, но въ Русской рѣкѣ всегда былъ, и вѣруемъ, есть и будетъ, струя чистой незамутненной воды. Была струя ясной, простой и чистой христінской православной жизни и это она выходила мальчика и юношу Прохора— человѣка рѣдкой силы и мужества, ума, совершенно исключительной духовной чуткости, дерзновенія и трезвости.

Эта струя—есть среда высокой православной культуры. На пути къ величайшему подвигу, Прохоръ не цѣлуетъ землю въ изступленіи, и монахи—представители этой среды и культуры—не признаютъ православнымъ старцемъ недозрѣвшаго для этого подвига Зосиму: въ немъ нѣтъ еще трезвости, ясности, простоты и мира.

Это струя высокой культуры: въ ней ясность, простота и свобода.

Чтобы понять и почувствовать эту среду, представимъ себѣ разговоръ матери Прохора съ сыномъ о его рѣшеніи идти въ монахи. Это картина такой простоты и правдивости, ясности и глубины, что можетъ быть ни одинъ художникъ не опишетъ ее. Можетъ быть только Пушкинъ.

Возможность такихъ людей, такой среды, „едва усиліемъ минутнымъ" понятна Достоевскому и эта возможность такъ поражаетъ Достоевскаго, что онъ говоритъ о ней „задыхаясь отъ волненія и восторга".

Прохоръ жилъ въ такой средѣ, она ему родная.

Вотъ онъ, высокій, сильный идетъ во главѣ артели послушниковъ лѣсорубовъ и поетъ. Вотъ онъ въ лѣсу, въ пустынькѣ, работаетъ творя молитву Іисусову.

Съ ней онъ живетъ, работаетъ, говоритъ съ людьми и Господь Духъ Святой приходитъ въ его сердце, и онъ стоитъ, топоръ выпадаетъ изъ его рукъ и сердце его горитъ неземной радостью.

Вотъ его строгій, суровый подвигъ стяжанія Св. Духа. И изъ этого подвига онъ приходитъ къ людямъ съ Пасхальной радостью вѣры, свѣта и любви: „Христосъ Воскресе", „радость моя".

Нѣтъ, это не Нестеровскій, чуть стилизованный праведникъ, это живой подлинный праведникъ, пріобщенный Царствію Божію.

Въ немъ нѣтъ ни тѣни, ни намека на тѣнь, сентиментальности стилизованнаго Зосимы и онъ зоветъ не къ „изступленію", а къ мужественному подвигу.

Это не добрый старичекъ-землячекъ, нѣтъ, это подлинно Богомъ прославленный человѣкъ, ибо Духъ Божій живетъ въ немъ. Это явленіе высшаго человѣческаго достиженія и простой русскій народъ это понялъ. Это явленіе почти непонятное для представителей иной культуры и англійскій посолъ въ своемъ докладѣ о жизни въ Россіи пишетъ, что Государь занятъ дѣломъ прославленія, „какого то темнаго монаха".

А русскій православный народъ увидѣлъ свѣтъ прославленія у Бога этого „убогаго“ монаха.

Прп. Серафимъ есть образъ православнаго человѣка, его нравственнаго устроенія, міропониманія и пути.

Для русскаго человѣка понять Преподобнаго Серафима его вѣру, взгляды, понять, что онъ любитъ, чего хочетъ отъ насъ, — это значитъ понять православнаго человѣка, найти самого себя и свой путь.

П. С. ЛОПУХИНЪ.

